

Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

ВЫПУСКЪ IX.

ПАМЯТИ С. А. РАЧИНСКАГО.

† 2 Мая 1902 года.

Валерій Лясковскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. И. Акинѣева и П. В. Леонтьева, Бассейная, 14.

1903.

Печатано по распоряженію Г. Предсѣдателя Общ. ревнит. русск. историч. просвѣщенія
въ память Императора Александра III.

Извлечено изъ журнала Русскій Вѣстникъ.—Ноября 1902 года.

ПАМЯТИ
С. А. РАЧИНСКАГО.

I.

Я помню Сергѣя Александровича Рачинскаго съ самаго ранняго моего дѣтства. Онъ былъ по Московскому Университету, сначала ученикомъ, а потомъ — однимъ изъ любимыхъ товарищей моего отца. Я какъ сейчасъ вижу этого небольшого, сухаго, болѣе изящнаго, чѣмъ красиваго человѣка, бритаго и въ очкахъ, съ мягкимъ голосомъ и съ мягкими движеніями. Онъ бывалъ у насъ почти каждый день — такъ, по крайней мѣрѣ, представляется это мнѣ теперь — и очень меня любилъ. Съ его именемъ и образомъ связывается для меня воспоминаніе обо всемъ художественномъ, что доступно и понятно семилѣтнему ребенку: о стихахъ, музыкѣ, цвѣтахъ, небольшихъ рисункахъ, которые онъ чертилъ во время разговора; и никто изъ дожившихъ до моего зрѣлаго возраста друзей отца не напоминалъ мнѣ его такъ живо, какъ Рачинскій — вѣроятно именно потому, что онъ болѣе другихъ раздѣлялъ художественные вкусы своего учителя и его способность увлекаться юношескими, чтобы не сказать дѣтскими, фантазіями. Такъ, напримѣръ, они не шутя мечтали устроить елку

для крестьянскихъ дѣтей въ подмосковномъ селѣ Во-
лынскомъ, воспользовавшись для этого живою столѣт-
нею елью въ тамошнемъ паркѣ, — и такъ-таки и сдѣ-
лать это въ Рождественскую ночь, на морозѣ! Разговоры
ихъ объ этомъ я очень хорошо помню.

Но все это продолжалось недолго. Мнѣ было лѣтъ
девять, когда Рачинскій оставилъ Университетъ и
уѣхалъ изъ Москвы. Помню я, какъ горевалъ объ
этомъ отецъ мой, какъ онъ до самой своей смерти не
могъ спокойно говорить объ удалившемся другѣ...

Прошло пятнадцать лѣтъ. Я окончилъ курсъ въ
Университетѣ, поступилъ на службу, женился. За это
время я слыхалъ, что Рачинскій живетъ безвыѣздно
въ деревнѣ; слыхалъ, быть можетъ, и о томъ, что онъ
«занимается школами», какъ обыкновенно говорятъ
люди, непричастные къ школьному дѣлу; но, мало ду-
мая объ этомъ дѣлѣ самъ, пропускалъ эти вѣсти мимо
ушей. И вотъ отъ И. С. Аксакова, отъ Н. М. Горбова
и наконецъ изъ печатавшихся въ «Руси» *замѣтокъ о
сельскихъ школахъ* самого Рачинскаго, я узналъ, что
собственно онъ дѣлаетъ...

Первыя мысли, вызванныя во мнѣ этими вѣстями,
были довольно спутаны. Я ясно помнилъ того Рачин-
скаго, который рисовалъ мнѣ картинки и говорилъ о
стихахъ и музыкѣ, — и не могъ представить себѣ чело-
вѣка, о которомъ рассказывали мнѣ теперь люди и его
собственные статьи. Въ это время уѣхалъ въ Татевъ
Н. М. Горбовъ, чтобы вести одну изъ школъ Рачин-
скаго; я общалъ его тамъ навѣститъ. Тутъ же какъ
разъ я принялся за составленіе біографіи моего отца
и, въ числѣ другихъ его учениковъ и друзей, обратился
письменно и къ Рачинскому. Такъ завязалась между

нами переписка, и въ Февралѣ 1884 года я поѣхалъ въ Татевъ.

Послѣ длиннаго и скучнаго переѣзда по желѣзной дорогѣ надо было ѣхать еще на почтовыхъ, — шестьдесятъ пять верстъ сплошныхъ ухабовъ! (Тогда еще не было Виндавской дороги). Разбитый и измученный подъѣхалъ я въ девятомъ часу вечера къ большому деревянному зданію школы. Я взошелъ на крыльцо, отворилъ дверь прямо, потомъ направо — и очутился въ ярко освѣщенной висячими лампами комнатѣ, гдѣ въ глубинѣ виднѣлись нары, а спереди, за длиннымъ столомъ, ужинало съ полсотни ребятъ — въ чистыхъ рубашкахъ, причесанныхъ и (какъ мнѣ тогда показалось) очень красивыхъ. Тутъ же было двое взрослыхъ крестьянъ-учителей. На встрѣчу мнѣ поднялся небольшой, немного сгорбленный, старый человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ, въ очкахъ, съ худымъ бритымъ лицомъ. Я его тотчасъ узналъ, хотя перемѣна, происшедшая въ его наружности за эти семнадцать лѣтъ, была велика. Не успѣли мы обмѣняться первыми привѣтствіями, какъ началась вечерняя молитва — и я забылъ и ухабы, и усталость, и все на свѣтѣ: мнѣ показалось, что я попалъ съ земли въ какой-то другой міръ — и я кончилъ тѣмъ, что заплакалъ... Съ этой минуты въ продолженіе немногихъ дней, проведенныхъ мною въ Татевѣ и его округѣ, я не выходилъ изъ состоянія какого-то духовнаго подъема. Все, что я видѣлъ, было такъ ново, такъ несогласно съ привычною жизнью, и въ то же время такъ просто и гармонично, что только уѣхавъ изъ Татева, я могъ разобратъся въ своихъ мысляхъ и ощущеніяхъ. Впечатленія свои рассказалъ я въ статьѣ, написанной, по просьбѣ И. С. Аксакова, для «Руси». Въ ней я, какъ умѣлъ,

описаль Татевскую, Глуховскую и другія школы Рачинскаго, которыя мнѣ удалось видѣть, и изложилъ вкратцѣ особенности его системы воспитанія. Но я не рѣшился говорить много о немъ самомъ,— да, быть можетъ, я тогда и не въ силахъ былъ бы дать ни себѣ, ни читателямъ яснаго отчета о его личности. А между тѣмъ впечатлѣніе, произведенное имъ, было неизгладимо. Въ первый разъ въ жизни я стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго чувствовалъ не только выше себя лично, но и выше всего привычнаго намъ круга людей и стремленій. Независимо отъ сочувствія и довѣрія, внушаемаго его дѣломъ, онъ лично внушалъ довѣріе безграничное: его нравственному чутью вѣрилось безусловно. Для меня, какъ и для многихъ другихъ, посѣщеніе Татева было рѣшающимъ событіемъ въ жизни. Нельзя не прибавить, что помимо школьной семьи Сергѣя Александровича, необыкновенно привлекательна была и его родная семья: его мать Варвара Абрамовна, старушка тетка и наконецъ радушный хозяинъ Татева Владиміръ Александровичъ—старшій изъ братьевъ Рачинскихъ. Всѣхъ ихъ скоро не стало...

Во второй разъ я былъ въ Татевѣ лѣтомъ 1889 г. и видѣлъ Сергѣя Александровича уже не среди школьныхъ занятій, а окруженнаго его старшими питомцами—учителями, семинаристами, художниками. Тогда же я вдоволь налюбовался тамошнею чудною лѣсною природою.

Еще черезъ четыре года, въ началѣ Декабря 1893, я собрался туда опять—на этотъ разъ не одинъ, а въ сопровожденіи молодаго крестьянина, воспитанника и учителя нашей сельской школы.

Опять та же ѣзда—но на этотъ разъ безъ ухабовъ,

а по гладкому, какъ скатерть, первопутку—и мы въ Татевѣ. Заѣхавъ на минутку въ домъ поздороваться съ его теперешнею хозяйкою, Варварою Александровною Рачинскою, я повезъ моего спутника въ школу. Мы вошли туда также, какъ входилъ я десять лѣтъ тому назадъ: такъ же нашли ребятъ за ужиномъ, такъ же было тамъ двое учителей, такъ же выбѣжалъ намъ на встрѣчу Сергѣй Александровичъ, сравнительно мало измѣнившійся, несмотря на постоянные свои недуги. Это было вечеромъ 3 Декабря. На слѣдующіе три дня: 4-е—именины владѣлицы Татева, воскресенье и Николинъ день—ребята распускались, и Сергѣй Александровичъ былъ сравнительно свободенъ. Въ этотъ пріѣздъ я не видалъ ни ученя, ни большого сборища старшихъ питомцевъ; но за то видѣлъ многое другое.

Въ воскресенье я пришелъ въ школу какъ разъ въ то время, какъ въ промежутокъ передъ обѣдней Сергѣй Александровичъ готовился начать бесѣду съ собравшимися въ церковь крестьянами. Школа была полна народа. Послѣ пѣнія молитвы «Царю небесный» Сергѣй Александровичъ сѣлъ передъ столикомъ и приступилъ къ толкованію дневнаго Евангелія объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ и одной изъ заповѣдей. Потомъ пропѣли «Достойно». Тѣмъ временемъ уже отблаговѣстили къ обѣднѣ; народъ и пѣвчіе пошли въ церковь, но нѣкоторые изъ крестьянъ мѣшкали уходить. Къ нимъ Сергѣй Александровичъ обратился съ вопросомъ: нѣтъ ли между ними желающихъ присоединиться къ обществу трезвости? Дѣйствительно, такихъ оказалось человѣкъ пять. Сергѣй Александровичъ съ каждымъ изъ нихъ поговорилъ отдѣльно. Тутъ были и крестьяне, вновь присоединившіеся къ обществу, и возобновлявшіе

прежній, сохраненный ими обѣтъ; былъ одинъ, который послѣдній годъ провелъ внѣ общества; съ нимъ Сергѣй Александровичъ бесѣдовалъ долѣе всего. Послѣ обѣдни былъ отслуженъ молебенъ преподобному Сергію, а потомъ каждому новому «трезвеннику» Сергѣй Александровичъ далъ образокъ Преподобнаго, написавъ на немъ имя присоединившагося.

На другой день опять присоединилось нѣсколько человѣкъ въ томъ числѣ и мой спутникъ. Тутъ привлекъ мое вниманіе одинъ крестьянинъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ очень красивымъ и выразительнымъ лицомъ, по имени Григорій. Онъ тоже, пробывъ въ обществѣ годъ, потомъ годъ пилъ вино. Меня поразила глубокая серьезность и искренняя жажда трезвости, которою дышали его слова. Прежде, чѣмъ войти въ церковь, онъ долго на колѣняхъ молился передъ церковною дверью. Передъ тѣмъ опять происходило толкованіе Евангелія — это былъ Николинъ день — и чтеніе листка о св. Николаѣ Чудотворцѣ, коего большое изображеніе карандашомъ было поставлено тутъ же: его наканунѣ нарисовалъ именинникъ Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, любимый ученикъ-художникъ С. А. Рачинскаго, работавшій въ Татевѣ передъ отъѣздомъ въ Парижъ надъ двумя своими картинами: «Послѣдніе совѣты» и «Спаситель, идущій по водамъ». Кромѣ него, на два праздника сошлись и съѣхались нѣкоторые учителя окрестныхъ школъ и въ числѣ ихъ дьяконъ (нынѣ священникъ) Р. С. Крыловъ, котораго я зналъ еще помощникомъ учителя въ Глуховѣ. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ проводилъ я по нѣскольку часовъ въ день съ питомцами Сергѣя Александровича, все болѣе утверждаясь въ моемъ прежнемъ мнѣніи о нихъ... Но время шло:

заживаться намъ въ Татевѣ было нельзя, и на другой же день рано утромъ мы уѣхали.

Прошло еще шесть лѣтъ. Въ Декабрѣ 1899 года я былъ приглашенъ на освященіе построенной по мысли С. А. Рачинскаго церкви на заводѣ Ю. С. Нечаева-Мальцева въ тридцати верстахъ отъ Татева, куда и заѣхалъ потомъ. Затѣмъ я видѣлъ Сергѣя Александровича въ Петербургѣ въ Февралѣ 1901 года... Въ Юнѣ нынѣшняго (1902 г.) года онъ ждалъ меня въ Татевѣ съ моимъ старшимъ сыномъ; но Богъ судилъ иначе. 2-го Мая я получилъ телеграмму изъ Татева: «Братъ Сергѣй тихо скончался сегодня»...

Теперь, послѣ столькихъ посѣщеній Татева, послѣ почти двадцатилѣтней переписки съ С. А. Рачинскимъ, перечитавъ много разъ все имъ написанное и напечатанное,—теперь, когда его уже нѣтъ—я стараюсь уразумѣть смыслъ его дѣятельности и обнять умомъ ея разнообразныя проявленія, прежде казавшіяся мнѣ независимыми одно отъ другаго, на самомъ же дѣлѣ связанные одною основною идеею. Попытаюсь выяснитъ эту идею и очертить кругъ пройденнаго имъ историческаго подвига.

II.

Вторая четверть XIX вѣка ознаменовалась въ русскомъ образованномъ обществѣ небывалымъ напряженіемъ умственныхъ силъ, подготовленнымъ предшествовавшими десятилѣтіями. Напряжение это сказалось прежде всего въ области искусства—перваго и лучшаго выразителя души народной. Художества слова, звука и образа, каждое въ свой чередъ, достигли вершинъ творчества въ Пушкинѣ, Глинкѣ и Ивановѣ. Достаточно

назвать эти три имени, чтобы напомнить путь, пройденный за это время русским народным гением. Вслѣдъ за искусствомъ пробудилась философская мысль, и созрѣло народное самосознаніе. Хомяковъ и его ближайшіе сотрудники указали русскому просвѣщенію путь къ необъятному расширенію его кругозора—тотъ единственный путь, на которомъ для него возможенъ естественный и безграничный ростъ въ будущемъ. Начало этого пути—Церковь Христова; его задача—самобытное развитіе духовныхъ даровъ русскаго народа, нравственныхъ, умственныхъ и художественныхъ; цѣль пути — великая и невысказанная для человѣческаго разума не согрѣтаго вѣрою—проникновеніе всей жизни человѣка и народа ученіемъ Спасителя, полное единеніе въ вѣрѣ и христіанскомъ просвѣщеніи русскаго народа, цѣлаго славянскаго племени, и наконецъ—человѣчества...

Таковъ былъ трудъ, къ которому призывали русское просвѣщеніе его передовые бойцы. Уже одно возвѣщеніе, одинъ починъ этого труда былъ великимъ подвигомъ. Они знали и говорили, что ихъ дѣло вспахать и засеять ниву, но что не имъ собирать жатву; и они сошли въ могилу, едва увидавъ первые всходы. Многимъ изъ нихъ суждено было принять участіе въ подготовленномъ ими дѣлѣ освобожденія крестьянъ; а до совершенія этого дѣла невысказанно было осуществить воссоединеніе двухъ слоевъ русскаго народа, разлученныхъ двойною стѣною: религіознымъ и національнымъ отчужденіемъ высшихъ, экономическимъ и гражданскимъ безправіемъ низшихъ. Но часть воли Божіей наступилъ: крѣпостное право пало, видимая стѣна была разрушена. И что же? Тѣ, которые стояли по обѣ стороны этой стѣны, не только не могли еще слиться во

едино, а напротивъ — оказались болѣе чужими другъ другу, чѣмъ когда либо: духовное разобщеніе оставалось во всей своей силѣ и выступило ярче, чѣмъ прежде. Правда, отовсюду раздались народолюбивые голоса, возникла цѣлая народническая литература, явились тысячи народныхъ школъ — и при всемъ томъ дальшіе уходили одинъ отъ другаго два быта: быть русской интеллигенціи и быть простаго русскаго народа. Дѣло начато было, быть можетъ, и съ благими намѣреніями, но исходная точка была невѣрна.

Славянофилы положили начало возрожденію русскаго образованнаго общества въ вѣрѣ, наукѣ, искусствѣ и жизни; теперь пришло время осуществить чаемое ими воссоединеніе этого общества съ громадою народа. Предстояло русскому образованному человѣку сойтись съ простолюдиномъ въ церкви не въ часъ только церковной службы, но въ единеніи церковной жизни; предстояло вызвать изъ неизвѣстности всѣ многообразныя народныя дарованія, понять ихъ внутреннюю жизненность и дать имъ пріемы и средства, выработанныя вѣками просвѣщенія; предстояло дать возможность этимъ двумъ мірамъ, встрѣтись лицомъ къ лицу, взаимно брать другъ отъ друга все доброе и общими силами бороться со зломъ. Это новое дѣло выпало на долю и новому поколѣнію; и первоначальникомъ его явился Сергѣй Александровичъ Рачинскій.

Кто не привыкъ вглядываться въ смыслъ событій, тому ходъ ихъ всегда кажется сцѣпленіемъ случайностей. Лишь при концѣ поприща великаго историческаго дѣятеля современники съ удивленіемъ открываютъ, что эти кажущіяся случайности имѣли глубокое значеніе, что человѣкъ этотъ былъ всею своею жизнью подгото-

вленъ къ своему дѣлу. Такъ было и съ Рачинскимъ. Трудно, повидимому, было предполагать, что онъ *такъ* кончитъ; а между тѣмъ ему съ самого начала дано было все для совершенія назначеннаго ему дѣла: родовая связь съ деревней и черезъ нее — близость къ народу, широкое образованіе, тонкое художественное чутье, глубинная чистота души и пламенная вѣра. И вотъ, когда онъ *случайно* уѣхалъ изъ Москвы въ деревню и *случайно* пришелъ въ основанную его сестрою (тоже, можетъ быть, случайно?)—школу, событіе совершилось: дѣло отдано было въ руки человѣка, который къ нему былъ предназначенъ.

Въ то время, когда Рачинскій посвятилъ себя сельскому учительству, начальная школа въ Россіи велась по образцу школъ иностранныхъ: это была, во-первыхъ, школа совершенно свѣтская и, во-вторыхъ, ея программа не сообразовалась нисколько съ запросами русской народной жизни. Рачинскій сплотилъ школу съ церковью и сообщилъ ученью ту практичность, которая даетъ грамотѣ жизненность и прочность. Онъ первый рѣшился прямо сказать, что школа должна согласоваться съ требованіями, предъявляемыми къ ней родителями учениковъ, хотя и неграмотными. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности выработанной имъ программы: онѣ изложены въ его «Замѣткахъ»; тамъ же, чуть не на каждой страницѣ, читатель находитъ слѣды живой связи Татевскихъ школъ съ церковью.

Но задавшись мыслью создать *православную русскую* школу, Рачинскій долженъ былъ съ первыхъ же шаговъ убѣдиться, что для осуществленія этой задачи недостаточны тѣ средства, которыя примѣнялись до него: что программы уроки Закона Божія, даваемые чужимъ

въ сущности для свѣтской школы священникомъ, не могутъ пробудить въ ней *церковности*; и что чужіе, хотя бы и доброжелательные *господа* въ сюртукахъ — къ которымъ, къ сожалѣнію, принадлежать и прошедшіе чрезъ наши среднія учебныя заведенія и учительскія семинаріи крестьянскіе мальчики — не создадутъ школы народной. Онъ понялъ, что если единственная почва возсоединенія сословій есть Церковь и церковная школа, то и обратно: живая церковность можетъ возникнуть въ школѣ только при взаимной помощи сословій. И вотъ онъ къ дѣлу просвѣщенія народа рѣшился призвать самый этотъ народъ; въ Татевѣ явились учителя, дьякона и священники изъ крестьянъ. О послѣднихъ, то есть о дьяконахъ и священникахъ говорить рано: ихъ еще слишкомъ мало, и слишкомъ еще непродолжительна ихъ дѣятельность. Достаточно сказать, что есть надежда на обновленіе этимъ путемъ нашего духовенства. Учителя же крестьяне, воспитанники сельскихъ школъ, давно уже показали себя на дѣлѣ и дали возможность оцѣнить главнѣйшія свои достоинства: дарованія, добросовѣстность, рвеніе, единство съ крестьянскою средою, не говоря уже о внѣшнемъ ихъ удобствѣ — дешевизнѣ. Мы не имѣемъ въ виду, въ этомъ изложеніи, дать картину школьной жизни въ быломъ Татевѣ: несравненно ярче рисуютъ эту жизнь собственныя писанія Рачинскаго. Хотя онъ въ нихъ и старается поменьше говорить о себѣ, но невольно сообщаетъ множество мелкихъ чертъ, которыя трудно передать такъ, какъ передаетъ ихъ онъ. Нигдѣ такъ живо не вылилось чувство непрерывнаго проникновенія всей школьной жизни вѣрою и церковностью, какъ въ небольшомъ

разсказъ Сергѣя Александровича «Школьный походъ въ Нилову Пустынь».

До сихъ поръ мы говорили собственно о школьной дѣятельности Рачинскаго. Объ руку съ ней шло нравственное воздѣйствіе его и его питомцевъ на народъ. Видимое знаменіе такого воздѣйствія—быстрое размноженіе, по его почину, обществъ трезвости.

Такимъ образомъ воспитывая крестьянскихъ дѣтей въ духѣ вѣры, разума и строгой христіанской нравственности, Рачинскій явилъ первый крупный примѣръ созданія новаго поколѣнія грамотныхъ крестьянъ; но этимъ не ограничилось его дѣло.

Русскій народъ въ лучшихъ своихъ выразителяхъ показалъ какія художественныя силы въ немъ таятся; то же доказалъ онъ прямымъ своимъ народнымъ творчествомъ. Дать этимъ силамъ просторъ и проявленіе—задача и обязанность просвѣщенныхъ его руководителей. И къ рѣшенію этой задачи приступилъ Рачинскій. Кто прочелъ его статью «Народное искусство и сельская школа», тотъ пойметъ, о чемъ мы говоримъ. Музыкальнымъ способностямъ крестьянскихъ ребятъ дается широкое примѣненіе въ церковномъ пѣніи. Какъ еще суждено разростись у насъ этому дѣлу — покажетъ будущее. Но любимую мечтою Сергѣя Александровича было открытіе и руководство такъ часто встрѣчающихся въ нашемъ крестьянствѣ способностей къ искусствамъ пластическимъ и прежде всего—къ живописи. Онъ создалъ нѣсколькихъ художниковъ учителей и иконописцевъ; одинъ же его питомецъ уже и теперь достаточно извѣстенъ всѣмъ, кто слѣдитъ за проявленіями русскаго искусства. Въ немъ сказывается и та среда, въ которой онъ родился, и тѣ высокіе идеалы, на которыхъ

былъ воспитанъ. Создавъ православную русскую сельскую школу и воспитавъ въ ней грамотнаго, по возможности чуждаго городскимъ соблазнамъ, крестьянина, Рачинскій направилъ еще русскихъ народныхъ художниковъ по дорогѣ, проложенной Ивановымъ и Васнецовымъ. Подвигъ его свершился, и вся его дѣятельность закончилась въ стройномъ, гармоническомъ единствѣ.

Ограничимся сказаннымъ. Помимо основнаго дѣла своей жизни, Рачинскій откликался на многіе запросы научной, художественной и общественной жизни Россіи. Незадолго до кончины онъ высказался по жгучему вопросу о средней школѣ. Эти стороны его проповѣди будутъ оцѣнены въ свое время: теперь рано говорить о ихъ значеніи. Человѣкъ, двинувшій общественное самосознаніе такъ, какъ двинули его немногіе, Рачинскій ждетъ глубокаго, внимательнаго изученія, обстоятельной біографіи. Будемъ надѣяться, что рано или поздно мы узнаемъ подробности его жизни въ точной и правдивой связи событій. Теперь еще не пришло тому время: слишкомъ свѣжо воспоминаніе, слишкомъ тяжела утрата...

